

В обществе «Мемориал» состоялось обсуждение мемориала жертвам политических репрессий на проспекте Сахарова в Москве. Конкурс на создание проекта этого памятника объявлен, заявки принимаются до 5 мая на сайте музея ГУЛАГа.

Тема оказалась крайне болезненной.

Для начала несколько ярких тезисов, прозвучавших в дискуссии. Я перескажу их своими словами — они звучали от разных людей и не всегда спокойно и последовательно. Тем не менее, важно понимать, что это были люди разные — правозащитники, ученые, архитекторы, скульпторы, журналисты — и, по моему скромному мнению, замечательные, лучшее, что произвела из себя московская интеллигенция. Арсений Рогинский, Нина Брагинская, Евгений Асс, Александр Подрабинек, Владимир Паперный, Наталья Савовер, Марина Хрусталева...

Много прекрасных людей, которых искренне волнует тема.

Итак, с одной стороны. Во-первых, общество «Мемориал» создавалось в 1987 году для того, чтобы установить памятник жертвам репрессий. Все время своего существования оно вызывало негативную реакцию определенных сил.

По нынешним временам у нас товарищ Сталин, вдохновитель и организатор репрессий, — это герой всех времен, а «Мемориал» регулярно пытаются объявить иностранным агентом. Поэтому понятны опасения, что постановку монумента используют для того, чтобы сказать, что общество выполнило свою задачу и теперь должно быть распущено. Во-вторых, «Мемориал» создал большую программу увековечивания жертв репрессий. Там установление полного списка жертв, установление мест массовых захоронений, меры социальной поддержки выживших жертв репрессий, научные, образовательные и всякие другие мероприятия. Программу эту представляли президенту через совет по правам человека, и не раз, и разным ведомствам чего-то поручали делать. В итоге от нее отрезали все, кроме установления монумента. Поэтому понятны опасения, что установкой монумента государство надеется закрыть тему репрессий и больше ничего уже не делать и делать не разрешать.

В-третьих, в 1990 году общество «Мемориал» уже установило памятник жертвам политических репрессий — Соловецкий камень. Это не просто памятник, но и центр ритуала. Раз в год, 30 октября, люди выходят к этому камню и читают списки жертв государства. Один год Соловецкий камень простоял на Лубянской площади вместе с памятником Феликсу Дзержинскому, который потом был демонтирован.

Есть люди, которые хотели бы вернуть памятник Дзержинскому на его место и установить напротив основанного им ведомства, а то без него работники ведомства чувствуют себя обделенными. Поэтому понятны опасения, что постановку монумента используют для попытки демонтировать Соловецкий камень.

В-четвертых, это будет памятник, поставленный от имени государства и на государственные деньги. А есть теоретический вопрос: может ли государство, которое продолжает осуществлять политические репрессии, ставить памятник жертвам репрессий. При переносе вопроса в практическую плоскость для людей, которые считают дело о митинге 6 мая, дело группы Pussy Riot или дело ЮКОСа продолжением сталинской практики репрессий, сама идея установки памятника выглядит кощунственной.

В-пятых, в начале 1990-х годов уже был конкурс на памятник жертвам репрессий. И конкурс этот выявил, что никакого художественного решения, которое было бы

соразмерно масштабу совершенного нашим государством, найти не удастся. Больше того, разные группы людей ждут от этого памятника чего-то совсем разного. Кто-то склоняется к идее памятника видному зеку, чему-то вроде всадника в лагерном ватнике, кто-то – к монументу скорби, чему-то вроде могилы неизвестного зека, кто-то – к документально-архивной инсталляции, чему-то вроде бронзовых листов с именами жертв, названиями лагерей, карт, маршрутов, протоколов, приговоров и т. д. Все это совершенно ужасно. А по нынешним временам есть опасения, что это вообще будет символическое сошествие святого Владимира в узилище.

Так что пусть этого лучше не будет вообще.

С другой стороны. Во-первых, двадцать лет люди требовали, чтобы государство признало факт репрессий и публично отмежевалось от прошлого. Это казалось очень важным хотя бы для того, чтобы граждане понимали, почему в конечном итоге рухнул СССР, за что они наказаны – за миллионы невинных жертв, за смерть и мучения которых никто никогда не ответил. Российское государство как правопреемник СССР никак не хотело этого делать, полагая, что это ослабляет авторитет государственной власти. И вот теперь пусть нехотя, пусть с чудовищным опозданием, но оно все-таки готово сделать шаг навстречу покаянию. А мы против?

Во-вторых, это же и была программа «Мемориала». Да, за 20 лет «Мемориал» сильно ее перерос, в каком-то смысле сама эта организация с собранными ею архивами, музеями, с филиалами по всей стране и есть если не овеществленная, то очеловеченная память о репрессиях – это все правда. Но должна ли она отказываться от того первого импульса, который вызвал ее к жизни? Он, что, был ложный? Это было лукавство? Говорили о монументе, а хотели создать организацию, которая всегда будет видеть в государстве палача?

В-третьих, есть люди. Родственники погибших в лагерях, их дети и внуки, и у них никогда не было места, где бы они могли почтить память своих убитых.

Можно, наконец, у них будет монумент, который символически заменит могилы их отцов и дедов? Политика – это одно, а есть простое человеческое измерение всей этой чудовищной истории XX века – люди, чьих близких уничтожило государство. В этом направлении можно подумать?

В-четвертых, у нас сейчас такая ситуация, что денег нет. Мотором установки памятника жертвам репрессий был Сергей Капков. Его сняли, и первое, с чего начал его преемник Александр Кибовский, – это изучение вопроса об использовании средств на культуру из московского бюджета. Если сейчас окажется, что общественность не поддерживает идею памятника жертвам репрессий, то это прекрасная возможность сэкономить, с которой Кибовский пойдет к Собянину. Вы хотите, чтобы этого памятника не было вообще?

Когда слушаешь все эти – и еще многие – соображения с разных сторон, трудно обнаружить в себе что-либо, кроме глубокой растерянности. Со всеми согласен, хотя выводы у всех прямо противоположные.

Когда ситуация настолько накаленная, имеет смысл умерить пыл и перейти к более конкретным вопросам: а где памятник, какой, как он будет выглядеть? К сожалению, тут тоже мало успокаивающей информации.

Выбрано место. Это внутренняя сторона Садового кольца на пересечении с проспектом Сахарова, напротив монументального брежневского здания, которое сегодня занимает

национальный банк «Траст». Единственное, что можно сказать про это место определенно, — оно никакое, никак и ничем не отмеченное, это случайно возникший в процессе прокладывания Новокировского проспекта пустырь. Это само по себе плохое решение.

Памятник, чтобы он был заметен, нужно располагать в каком-то символическом месте. Вернее, он будет работать тем сильнее, чем более символическое место для него выбрано. Здесь же место максимально ослабляет потенциальное значение памятника.

Кроме того, банк «Траст» — очень большое и очень некрасивое здание, а любой памятник будет восприниматься как скульп-

тура на фоне его фасада (если только не построить бронзовой стены с именами умученных во всю высоту банка). Знаете, если против входа в универмаг поставить Богоматерь с Младенцем, получится реклама детских товаров. А тут, что ни поставь, все равно будет вход в райком.

Объявлен конкурс. Конкурс проводит музей ГУЛАГа, точнее, его новый директор Роман Романов. Вероятно, у него нет большого опыта в организации конкурсов. Когда вы заходите на сайт конкурса, появляется ролик, где на площадке перед банком сначала появляется обелиск, потом — некоторая скульптура в балахоне, потом — ряд столбиков, отдаленно напоминающих Монумент холокоста в Берлине. С точки зрения юридической процедуры, это основание для того, чтобы опротестовать любой результат конкурса, поскольку организаторы заранее предложили три варианта. В жюри конкурса участвует 27 человек. Такое жюри работать не может — это слишком много, любой профессионал с опытом работы в конкурсных жюри знает, что оптимальное число — это семь-девять человек. Зато такое большое жюри создает возможность манипулировать решением как угодно в соответствии с предпочтениями какого-нибудь первого лица. На первом этапе судят архитекторы и скульпторы, которые должны определить техническую исполнимость проекта, на втором — видные деятели общественности, культуры, политики и отдельно подчеркнутые кинематографисты. Меня, архитектурного критика, однажды почему-то позвали в комиссию Министерства культуры по киносценариям, я решил, что это недоразумение, и отказался. А зря, как выясняется, это у них такая политика, чтобы архитектуроведы судили кино, а киношники — архитектуру. Это гарантирует качество. Можно найти еще десяток несообразностей в объявлении о конкурсе. Это досадно, потому что конкурс — это юридическая формальная процедура, ее нужно уметь делать, иначе ничего, кроме общей неудовлетворенности результатами, вы не получите.

Какой памятник наше государство сегодня может поставить жертвам репрессий, такой и поставит, и это будет больше всего характеризовать его. Пока оно сделало довольно много, чтобы поставить плохой. Установка памятника — это ритуальное действие, а ритуал значим настолько, насколько много людей удалось им увлечь. Пока сделано много, чтобы как можно больше людей от этого оттолкнуть — и общественность, и профессионалов. И, тем не менее, я считаю, что ничего страшного не происходит. Я напому одну историю, которая мне показалась подходящей к случаю. После войны товарищ Сталин предполагал снести здание ГУМа и на его месте возвести некий храм Победы, в котором должны были быть отражены все победы русского народа, начиная с Ледового побоища и Куликовской битвы и заканчивая взятием Берлина. Но было много дел и мало денег, мы делали атомную бомбу, до смерти вождя народов этого как-то не успели, а после никто не стал реализовывать этот абсурдный замысел. И у нас до сих

пор нет монумента победы на Красной площади, что даже странно.

Это было странно и Никите Хрущеву, так в 1961 году в Александровском саду появилась Могила неизвестного солдата – несколько двойственный по замыслу монумент. С одной стороны, человечный, монумент скорби по павшим, а не монумент славы победившего государства, не характерный для нас подход. С другой – это была именно Могила неизвестного солдата, созданная тогда, когда сотни их истлевали непогребенными в лесах нашей родины, а тысячи лежали в безымянных могилах. Они числились пропавшими без вести, и родственники их не могли ни претендовать на помощь со стороны государства, ни даже на могилу не могли прийти. Могила как бы закрывала вопрос: вот сюда приходите и здесь вспоминайте своих мертвых, а больше ничего не будет.

Закрывала, но не закрыла. Следующие полвека и по сию пору люди по всей стране устанавливают имена, ищут захоронения, создают еще тысячи монументов – постепенно эти памятники появились в каждом населенном пункте. Идея закрыть вопрос о тысячах непогребенных погибших одной Могилой неизвестного солдата кажется несколько наивной. Война – это серьезная травма, она долго не излечивается.

Ровно то же будет с памятником жертвам репрессий. Невозможно поставить памятник – и закрыть «Мемориал», поставить памятник – и закрыть тему репрессий, поставить памятник – и уничтожить Соловецкий камень.

Любое из этих действий – плевок в могилу невинноубиенных. На это никто не решится.

Наоборот, чем неудачнее и неуместнее будет это творение, тем большее желание вспоминать наших мертвых и наших палачей будет возникать у людей по всей стране.

Если государство способно покаяться в неудачной форме, это лучше, чем если оно неспособно покаяться вообще.

В обсуждении
поучаствовал
специальный
корреспондент ИД
«Коммерсантъ»
Григорий РЕВЗИН.